

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ПСИХЕИ К. ЛЬЮИСА
В РОМАНЕ «ПОКА МЫ ЛИЦ СВОИХ НЕ ОБРЕЛИ» («TILL WE HAVE FACES»)
С ЕЕ КАНОНИЧЕСКИМ ОБРАЗОМ****Н.Н. ВОЛКОВА***(Представлено: д-р филол. наук А.А. ГУГНИН)*

Проводится сопоставительный анализ образа Психеи К. Льюиса в романе «Пока мы лиц своих не обрели» («Till we have faces») с ее каноническим образом. В связи с тем, что в современном интеллектуальном обществе наблюдается возросший интерес к мифологии и к творчеству К. С. Льюиса, в статье отражаются связь религии и мифа, а также новаторское видение канонических образов Льюисом.

Внешне биография Клайва Стейплза Льюиса (*Clive Staples Lewis, 1898–1963*) воспринимается как череда потерь и тяжелых испытаний, однако сам Льюис определяющими событиями своей жизни считал вовсе не беды и испытания, а прочитанные книги и разговоры с друзьями. Хотя еще ребенком Льюис потерял веру в Бога, то позже он обретает ее через чтение и обсуждение прочитанного.

Выделяются три этапа на пути к мифу и христианству: первый шаг на пути к мифу – через вагнеровское либретто, «северный» эпос Т. Мэлори и У. Морриса; второй шаг к эстетическому восприятию христианства как мифа – прочтение «Фантастов» Макдональда, которое, по словам Льюиса, «крестили [его] воображение»; третий шаг к осмыслению христианского мифа как правды, прежде всего, происходит под влиянием «Вечного человека» Честертона» [1, с. 248]. Итогом этих трех этапов стало обретение веры К. Льюисом. В дальнейшем и жизненные трудности и читательские впечатления представлялись ему посланиями Бога, обращенными к человеческому опыту и воображению.

С начала 30-х годов Льюис определяется для себя три поприща: теолог-апологет, филолог-медиевист и романист. Именно с 30-х годов христианская тематика остается центром и первопричиной его творчества.

Теология, художественное творчество и филология являлись для Льюиса ступенями для постижения Бога – через логику и диалектику (в теологических трактатах), через фантазию и воображение (в романах), через анализ и классификацию религиозных текстов (в филологических трудах).

Основные труды Льюиса посвящены средневековью как идеальной литературной эпохе, где идеально совмещаются словесность и религия. Литературные темы и жанры чаще всего напрямую связаны с религией. Филология у Льюиса сливается с теологией, примером чего может служить его указание на божественный смысл слова (например, на таинственную силу предлога «в»: «человек во Христе», «Христос в Боге», «Святой Дух в церкви») [1, с. 249]. Однако для Льюиса было важным донести религиозные идеи как можно большей аудитории читателей, поэтому он берет ситуации из обыденности. Простые отношения обычных людей и обычных вещей.

Романы Льюиса являют собой самые неожиданные жанровые сплавы: научная фантастика и сказочная повесть сочетаются с рассуждениями в духе теологических трактатов, с символическими картинами в духе старинных мистических трактатов, а также с древними мифологическими сюжетами. Основная задача Льюиса состоит в том, чтобы читатель встретился с правдой мифа.

Льюис перетрактует мифы так, что они становятся более увлекательными и занимательными, но вместе с тем сохраняет их религиозную значимость и дает шанс задуматься над евангельскими принципами.

Мифологизм у Льюиса преследует определенные религиозные цели, но вместе с тем автор берет исходные античные мифы и совмещает их со средствами, характерными для современной литературы.

Не до конца оценен вклад К. Льюиса в понимании термина «миф», реабилитацию мифа и его желание показать, как миф может послужить укреплению веры и донесению основополагающей библейской вести современному человеку.

В среде западных философов и филологов уже давно известно, что сознание человека основывается на мифе, а антропология, социальная философия и культурология начинаются с мифологии [2]. Миф

даже представляется в качестве, определенной «национальной идеи», такого умонастроения большинства, и является особенностью культуры определенного исторического периода.

Как говорит Карен Армстронг в своей книге «Краткая история мифа»: «человек издревле был мифотворцем» [3, с. 9]. Именно поэтому с давних времен человек не только создавал произведения прикладного искусства, но и являлся хранителем мыслей, создающих что-то за гранью обычной реальности.

Тема «мифа» приобретает новое осмысление в работах Льюиса. Он, как и многие другие, в противоположность господствующей демифологизации XX века, занимался ремифологизацией сознания и культуры.

Одна из основных причин возрождения интереса к мифу заключается в том, что современный человек всегда сохраняет способность к «мифомышлению». Игнорируя основные богословские идеи своего времени, Льюис погружался в классические произведения прошлого и развивал свой оригинальный подход к библейской истории. Скептически относясь к историческому подходу, он считал приемлемой в отношении к Библии только такую историчность, которая подразумевает трансформацию мифа в факт [4, с. 121].

Льюис постепенно приходит к пониманию важности мифа. Для него миф не является просто сказкой или чем-то фантастичным, для Льюиса миф поразительно глубок и полон смысла. Миф не может быть передан простыми, а значит обыденными, словами, так как образно выражает скрытый смысл всей человеческой жизни. Тот же, кто пытается выразить миф в конкретных лингвистических рамках, имеет дело с иллюзией, а не самим миром этого самого мифа, так как он не может быть до конца описан или систематизирован [5, с. 160].

Льюис часто описывал христианское учение посредством возрождения мифологического и символического языка. Мифы составлялись не с целью восприятия их как некой выдумки, а чтобы соткать повествование, которое бы помогло людям «схватить» отголоски более глубоких истин. Чаще всего мифы – это части/фрагменты истины, а не ее полнота. Христианство – не просто один миф в ряду многих других, христианство – это исполнение всех предшествующих мифологических религий.

Миф у Льюиса или, по крайней мере, христианский элемент мифа напоминает символ человеческих взаимоотношений с Богом и возвращение человека к общению с несотворенной Реальностью. Суть мифа состоит в том, что он является картиной более глубокой и абсолютной истины.

Творчество Льюиса нельзя назвать простой научной фантастикой. Это не что иное, как его собственный миф. Льюис придумывает и преобразовывает миф.

Льюис также реконструирует образ Психеи. Представления о душе встречаются еще у Гомера, но впервые миф о Психее разрабатывает Апулей в романе «Метаморфозы, или Золотой осел»¹. В дальнейшем образ Психеи трансформируется и видоизменяется согласно литературным течениям и эпохе, но наиболее интересный и своеобразный образ Психеи создает Клайв Льюис.

Первое, чем характеризуется образ Психеи, – это невероятная и даже божественная красота: «Эта дитя подобно новорожденной Елене» [6, с. 9] или «Красота маленькой Психеи [...] была той редкой красотой, которую признают с первой же встречи любой мужчина и любая женщина. Красота Психеи не потрясала, как некое диво, ее совершенство казалось самой естественной вещью на свете, но [...] в сердце оставляла сладкий, неизгладимый след. Красота девочки была «в природе вещей»; это была та красота, которую люди втайне ожидают от каждой женщины, [...] от каждого неодушевленного предмета, но не встречают почти никогда. В присутствии Психеи все становилось прекрасным: когда девочка бегала по лужам, лужи казались красивыми, когда она стояла под дождем, казалось, что с неба льется чистое серебро. Стоило ей подобрать жабу – а она питала странную любовь к самым неподходящим для любви тварям, – и жаба тоже становилась прекрасной» [6, с. 10].

Однако такая равная Артемиде и Афродите красота является неотъемлемой частью образа Психеи, поэтому не может рассматриваться как авторское изменение канонического образа. В описании внешности Психеи Льюис придерживается традиционного взгляда на нее, как на девушку невероятной красоты, которая подобна богам, и придерживается описания, данного еще Апулеем в «Метаморфозах»: «Младшая же девушка такой была красоты чудной, такой неописанной, что и слов-то в человеческом языке, достаточных для описания и прославления ее, не найти. Так что многие из местных граждан и множество иноземцев, [...], прикрывали рот своей правою рукою, положив указательный палец на вытянутый большой, словно они самой богине Венере священное творили поклонение...» [7].

¹ Metamorphoseon, Asinus aureus (II в. н.э.)

Такой же прекрасный и бесподобный образ Психеи можно увидеть и у Джона Китса (John Keats) в стихотворении «Ода Психее» («Ode to Psyche»):

«[...] В семье бессмертных младшая она,
Но чудотворней, чем сама Природа,
Прекраснее, чем Солнце и Луна,
И Веспер, жук лучистый небосвода;
Прекрасней всех – хоть храма нет у ней,
Ни алтаря с цветами;
Ни гимнов, под завесами ветвей
Звучащих вечерами;
Ни флейты, ни кифары, ни дымков
От смол благоуханных;
Ни рощи, ни святыни, ни жрецов,
От заклинаний пьяных. [...]» [8].

Из всех представленных образов следует, что Льюис вслед за Апулеем и Китсом не меняет образа Психеи, как воплощения живой и божественной красоты, а оставляет все черты, присущие образу Психеи, неизменными.

Но наиболее интересен психологический портрет Психеи. Так, у Апулея Психея жаждет выйти замуж: «Психея, при всей своей очевидной красоте, никакой прибыли от прекрасной своей наружности не имела. Дивятся на нее, как на божественное явление, но все дивятся, как на искусно сделанную статую. [...] Психея, в девах вдовица, сидя дома, оплакивает пустынное свое одиночество, недомогающая телом, с болью в душе, ненавидя свою красоту, хотя она всех людей привлекала» [7].

Чувство одиночества и покинутости у апулеевской Психеи является, скорее всего, результатом того, что обе старшие сестры уже вышли замуж, а Психея как самая красивая из дочерей осталась покинутой. Психея Льюиса лишь однажды обмолвливается о замужестве, и только в детстве: «Когда я вырасту, [...] я стану великой царицей и выйду замуж за самого великого царя, и он построит мне дворец из золота и хрустала на вершине этой горы» [6, с. 11]. В отличие от апулеевской Психеи Психея Льюиса мечтает не о муже-человеке. Изначально Психея мечтает о «самом великом царе», однако в дальнейшем этот образ трансформируется в бога или божественное создание.

Если апулеевская Психея живет в реальном мире, то Психею Льюиса больше привлекает духовность. Замужество не является для нее некоей обыденностью, для нее замужество – это путь воссоединения с Богом. Психея задает вопрос Оруали: «Что ты скажешь, если я вдруг действительно стану невестой Бога?» [6, с. 29]. Психея Апулея напоминает, хоть и невероятно красивую, но все же заурядную девушку, в то время как Психея Льюиса – невероятно сложное по душевной организации существо. Для нее важно не только духовное замужество, но она даже не страшится замужества через смерть. Факт того, что ей в мужья предназначают чудовище, которое должно ее съесть, не столь пугает ее. Мысль о смерти не являлась такой уж новой для нее, хотя Психея на момент замужества не была взрослой девушкой: «[...] С тех пор как я помню себя, меня всегда манила мысль о смерти» [6, с. 29]. Ни апулеевская, ни китсовская Психея не изображена как существо, которое раздумывало о смерти с малых лет.

Для детской психологии вообще неестественно думать о смерти как таковой, так как детское восприятие и мироощущение неспособны осознать явление смерти. Дети воспринимают, но не осознают. Образ маленькой Психеи Льюиса отличается от всех предыдущих ее образов в ходе ее мыслей.

Однако нельзя сказать, что только льюисовская Психея обладает храбростью и самопожертвованием. Так апулеевской и лафонтеновской Психее достает смелости, чтобы стать жертвой чудовища: «Я должна умереть, ибо не подобает простой смертной, как я, тягаться с матерью Купидона. Чего вы добьетесь, сопротивляясь ей? Ваше непослушание навлечет на вас еще более суровую кару. Какова бы ни была моя участь, я утешусь уже тем, что не буду больше причиной ваших слез» [9].

Тема самопожертвования развивается в Льюиса еще до отправления на гору. Льюис чуть видоизменяет легенду о Психее и Амуре, традиционную по Апулею, и вставляет христианские аллюзии. Исцеление или мнимое исцеление холеры благодаря Психее и сама процессия, когда Психею доставляют на Седую Гору, напоминает историю об Иисусе Христе, который также, по писаниям, стремился со всей самоотдачей помогать людям, лечить их. Но Психея не была просто воплощением спокойной добродетели, самопожертвование ее возрастало во много раз, когда дело касалось близких для нее людей: «Лиса выхаживала Психею, хотя это и было ей строго запрещено. Она могла даже побить или покусать того человека, который рискнул бы стать между ней и дверью комнаты Лиса. В ее жилах тоже текла гневливая кровь нашего отца, хотя гнев Психеи всегда шел от любви ее сердца» [6, с. 14].

Особенность не столько в самопожертвовании, которая в той или иной мере присуща всем образам Психеи у различных авторов, но и в том, что впервые проводится связь образа Психеи и ее отца. Наследственность гнева от любви не является типичной чертой образа Психеи, так же как и сравнение Психеи с родителем.

Еще одной канонической чертой образа Психеи является честность. Как и у Льюиса, так и у Апулея, Психея предстает как честное существо, неспособное на обман и коварство: «Психея умела говорить начистоту, когда ей было три года» [6, с. 51].

Однако апулеевская Психея доводит до самоубийства, пусть и непреднамеренного, своих сестер, на что Психея Льюиса не способна, хотя и пострадала от двойного предательства: первое – телесное от Редивали, второе – душевное от Оруали.

Образ Психеи Льюиса куда сложнее, чем апулеевский. Так, апулеевская Психея предстает в образе простушки, у нее «душевная простота», и предает мужа она из-за интереса и страха. Также ее волнует именно внешность ее мужа. Представляется образ некоей девушки-ребенка, невинной и простой.

Психею Льюиса простой назвать нельзя. Во-первых, ей присуща скромная стыдливость в большей мере, чем ее апулеевскому образу. Хотя апулеевская Психея и выбирает наипростейшее из всех шикарных платий, но все же она восхищается и собой, и своим убранством. Психея Льюиса, наоборот, стыдится себя и своей человекоподобности: «Когда я впервые увидела Западный Ветер, я не испытала ни радости, ни страха – по крайней мере вначале. Мне было просто стыдно. [...] Я стыдилась своего смертного облика, мне было стыдно, что я – смертный человек» [6, с. 44]. Если Психею Апулея не смущал тот момент, что она – человек и смертная, то Психея Льюиса боится быть высмеянной за свое человекоподобие («Я знала, что это – духи, и мне хотелось пасть ниц перед ними, но я не смела, потому что они называли меня госпожой и хозяйкой, и я должна была соответственно вести себя. При этом я все время боялась, что они вот-вот начнут надо мной смеяться» [6, с. 45]), что может свидетельствовать о более тонком душевном складе и наличии таких черт, как чувство собственной важности. Ведь именно при наличии чувства собственной важности человек боится быть высмеянным.

Хотя, все же только по тому, что Психея боялась быть высмеянной, нельзя утверждать, что чувство собственной важности является частью образа льюисовской Психеи. Психею можно скорее охарактеризовать таким словом, как всепрощение и жертвенность. Когда Психею предавали горе, что изначально могло привести к смерти, виновницей была ее сестра Редиваль. Но Психея не держит даже зла на Редиваль. Тот факт, что Психея могла умереть, если бы на горе действительно жило чудовище, указывает на телесное предательство: Редиваль могла стать причиной физической смерти Психеи. Второе предательство, душевное предательство. Оруаль фактически забирает душу Психеи.

Если Психея Апулея идет на поводу у своих сестер из-за неведения и наивности, то Психею Льюиса нельзя назвать наивной, ей присуща уверенность женщины, что даже отражает ее голос: «сам звук ее голоса, любовь, звучащая в нем, согревали мой слух. Голос ее был слишком низкий и глубокий для женщины, и от этого каждое слово становилось таким весомым и горячим, словно это было не слово, а прикосновение руки. Глубинное тепло этого голоса исходило из самых недр земли. Таким теплом пригоршня спелого зерна согревает ладонь руки» [6, с. 46].

Даже сама Оруаль понимает, что покорная и беззащитная Психея умерла, и перед ней новая Психея. Это Психея, которая высшей ценностью ставит верность: «Никогда не прошу себе, если ослушаюсь его» [6, с. 64]. Психея осознавала, что она сознательно губит свою счастливую жизнь, и это являлось также высшим актом самопожертвования. Психея стояла перед сложным выбором: любовь к сестре и любовь к богу. Стремясь всю жизнь именно к божественному, она отказывается от него ради своей земной сестры.

Таким образом, тема «мифа» приобретает новое осмысление в работах Льюиса. Льюис перетрачивает мифы так, что они становятся более увлекательными и занимательными, но вместе с тем сохраняет их религиозную значимость и дает шанс задуматься над евангельскими принципами. А в образе льюисовской Психеи обнаруживаются как канонические черты: невероятная красота, храбрость, любовь, честность; так и уникальные черты: глубина мыслей, отчужденность от мира, наследственность, всепрощение, стыдливость и доходящее даже до христианского самопожертвование. Вместе с тем наблюдается внутреннее становление героини и ее взросление, ее перевоплощение, как у бабочки, чего не было прежде показано ни у одного автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь английской литературы XX века / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН ; отв. ред. А. П. Саруханян. – М. : Наука, 2005. – С. 247–250.

2. Козолупенко, Д. П. Миф на гранях культуры / Д. П. Козолупенко. – М. : Канон+, 2005. – С. 165–170.
3. Армстрон, К. Краткая история мифа / К. Армстрон. – М. : Открытый мир, 2005. – С. 159–163.
4. Freshwater, M. E. C. S. Lewis and the truth of myth. / Mark Edwards Freshwater. – Lanham : University Press of America, 1988. – 121 p.
5. Матвеева, А. С. Концепция мифа в этико-эстетических воззрениях К. С. Льюиса / А. С. Матвеева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1(2). – С. 121–124.
6. Льюис, К. Пока мы лиц своих не обрели / К. Льюис ; пер. с англ. И. Кормильцев. – Б.С.Г. : Пресс, Иностран. лит., 2000. – 304 с.
7. Апулей, Л. Метаморфозы, или Золотой осел / Луций Апулей. – М. : Канон+, 2000, – 119 с.
8. Китс, Д. Ода Психее [Electronic resource] / Д. Китс ; пер. Г. Кружкова. – 2014. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/1017275/1041/Poeziya_angliyskogo_romantizma_XIX_veka.html. – Дата доступа: 17.01.2016.
9. Лафонтен, Ж. Любовь Психеи и Купидона [Electronic resource] / Жан де Лафонтен. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ruslit.net/preview.php?path=%u0418%u0441%u0442>. – Дата доступа: 07.02.2016.